

4. Отанды қорғау мен қастерлеу: тарих және тағылым: Академик, экономика ғылымдарының докторы, профессор, майдангер Т.Ә.Әшімбаевтың (1918-1995) әскери – отаншылдық ғұмырбаянын, шығармашылығын, ғылыми еңбегін байыптауға арналған ғылыми практикалық конференция материалдары. –Астана: Л.Н.Гумилев ат.ЕҰУ. – 2008, - 172б.
5. Казахстанская правда, 7 мамыр 2005
6. Назарбаев Н.Ә. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру // Егемен Қазақстан. -2017, 12 сәуір

ПОИСК ЗАБЫТЫХ ИМЁН: «УСТНАЯ ИСТОРИЯ» О 1930-Х ГГ. В ФОНДАХ ЦГА НТД

Грибанова Е.М. *кандидат исторических наук, ВНС*
Сарсенова Г.С. *директор, ЦГА НТД, г. Алматы*

Сбор документов и их хранение – главная задача архивов. Государственные архивы пополняются как за счёт документов юридических, так и за счёт физических лиц. Документы последних образуют личные фонды. Их владельцы, или по архивной терминологии «фондообразователи», как правило, известны в той сфере, которой они посвятили свою профессиональную жизнь. Для Центрального государственного архива научно-технической документации это научные и инженерно-технические специалисты в области прикладной науки. На данный момент 19% фондов архива – фонды личного происхождения. Процесс подготовки семейного архива для хранения и использования в составе Национального архивного фонда далеко не так прост, как кажется на первый взгляд. На данном этапе одной из важных его составляющих является фиксация «устной истории», т.е. инициирование и запись воспоминаний фондообразователя или его потомков. Основная цель их написания – отразить профессиональную деятельность фондообразователей, отражение жизни его предков в данной ситуации – цель попутная. В собранных сотрудниками архива мемуарах за последние 3 года, в историях фактически каждой семьи обнаруживался «след» «кровавых пятен» нашей общей политической истории. Порой этот след обозначен пунктирно и не всегда рассказчик, как правило, представитель следующих поколений, осознаёт, отголосками каких событий он является. В этой связи архивисты вынуждены делать краткий исторический экскурс, отвечая на главный вопрос: почему руководство советского государства встало на путь широкомасштабных политических репрессий? Исходная точка – теория марксизма, содержащая немало рациональных зёрен, обогативших теорию ряда гуманитарных отраслей знания. Но в ней содержалась идея о ведущей роли пролетариата и отрицании тех слоев общества, которые располагали частной собственностью, равно как и самой частной собственности. А значит, все имущие слои – враги пролетариев.

Схематично хроника довоенной репрессивной политики (она отличалась особой жёсткостью) выглядела следующим образом.

В октябре 1920 г. была образована Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика. Уже в 1921 г. из Семиречья депортировали кулаков-«семиреков», наиболее зажиточную часть казацкого сословия [1]. В 1925 г. начались репрессалии против казахской интеллигенции: в последующие пять лет руководителей-казахов смещали с ответственных постов, арестовывали, высылали за пределы Казахстана, но пока не расстреливали.

1930 г. ознаменовался вступлением в «эпоху» широкомасштабного «раскрестьянивания». Кулаков и баев разделили на три категории. Отнесение к первой означало заключение в концлагерь или расстрел, ко второй – ссылка в отдалённые районы СССР, к третьей – расселение в границах района проживания, но вдали от колхозов и совхозов. Каждый из вариантов грозил преждевременным уходом из жизни. Тюрмы были переполнены, трудовые поселки, куда направляли выселенцев, разбивались на пустом месте, как правило, в неблагоприятных условиях для выживания (жара или холод, пыльные бури, снежные бураны, отсутствие жилых помещений, питьевой воды, продовольствия, медикаментов). Кулаки и баи, а точнее говоря, крестьяне и шаруа, оказались первыми жителями и строителями поселков для спецпереселенцев.

Насильственные перемещения населения внутри Советского Союза с 1935 г. приняли масштабный характер, трансформируясь из социальных в социально-этнические, а затем – в чисто этнические. С западных границ СССР официально переселялись вглубь страны в первую очередь «кулаки» национальностей соседних государств, т.к. власть считала, что в случае войны они выступят на стороне противника. Фактически депортации или другим видам репрессий подвергались и все те, кто выражал недовольство политикой власти.

Процесс выселения и вселения проводился варварскими методами и привёл к большим жертвам. Одно из последствий политики «раскрестьянивания» – массовый голод 1930-х гг. В эти же годы в СССР была проведена паспортизация, закреплявшая людей на одном месте жительства. В ходе её организовывались облавы, особенно в крупных городах, выявлялись «социально-опасные», «социально-вредные», «деклассированные элементы». Их также высылали в малонаселенные районы СССР, к которым относился и Казахстан. Депортированные не имели права покидать новые места жительства.

В 1937–1938 гг. после «очищения» западных границ акции по депортациям переместились на границы южные и восточные. Тогда, в 1930-х гг. в Казахстане значительно увеличилось число поляков и немцев, появились финны, курды, армяне, азербайджанцы, иранцы, корейцы, турки.

В названные годы, именуемые периодом «большого террора», параллельно с депортацией ряда этносов проходили и другие репрессивные кампании, в которых выделены три направления. Два из них зафиксированы

приказом НКВД СССР от 17 июля 1937 г. Речь идёт о борьбе с «антисоветскими элементами», среди которых «бывшие кулаки» занимали «почётное» место, и «национальной линии». По ней было проведено около десятка операций: польская, немецкая, харбинская, финская, литовская, эстонская, греческая, румынская. Эти репрессии были направлены в основном на политэмигрантов из названных стран, нашедших прибежище в СССР, а также против советских граждан соответствующей национальности, равно как против других советских граждан, имеющих профессиональные или семейные связи с жителями данных стран. С начала 1937 г. НКВД проявлял всё большую активность, «обнаруживая» новые «контрреволюционные организации», якобы готовившие восстания по заказу секретных служб государств – противников СССР. Третье направление репрессивных кампаний обрушилось на элиту политических, военных, экономических и интеллектуальных кадров страны. Цель: замена имевшейся элиты другой, более молодой, сформировавшейся в условиях советской власти. Сначала в г. Москве прошел ряд громких процессов, имевших «воспитательный» характер, затем на периферии и в национальных республиках, в том числе и в Казахстане: в г. Караганде, в Пресновском (Северо-Казахстанская обл.), Урджарском районах (Семипалатинская обл.) и т. д. Именно в этот период была расстреляна управленческая, интеллектуальная и творческая элита Казахстана. По предварительным данным в Казахстане в этот период среди расстрелянных одну треть составляли рабочие, около 20 % – крестьяне, 9 % – спецпереселенцы и около 50 % – служащие.

Конец «большому террору» положило секретное постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. Им запрещалось проводить массовые операции по арестам и выселению, ликвидировались судебные тройки, келейно принимавшие решение о людских судьбах, а дела, находившиеся в их ведении, передавались на рассмотрение судов или Особого совещания [1].

Таким образом, неудивительно, что, если не каждая, то каждая вторая семья в бывшем СССР имела среди своих близких жертв или пострадавших от репрессивной политики государства, продолженной и в послевоенное время. Не смотря на кропотливую и многогранную работу, проводимую уже лет 30 различными государственными и общественными организациями, список жертв репрессивной политики государства пополняется и пополняется. Собранная информация оформляется в «Книги памяти» и базы данных. Конечно, никогда они не будут исчерпывающими. Но задача потомков – не опускать руки на сложном поприще сбора сведений о погибших и пострадавших в годы репрессий до тех пор, пока есть хоть какая-то возможность её выявить. Определённый вклад в эту работу вносят и архивисты.

В настоящее время в Центральном государственном архиве научно-технической документации проводится работа по упорядочению фонда основателя онкологической службы в Казахстане Сакена Нугмановича

Нугманова (1918–1980), уроженца села Баканас (рядом со станцией Тансык) Аягузского р-на Семипалатинской обл., первого директора НИИ онкологии и радиологии в 1960–1970 гг., доктора медицинских наук, профессора. Одновременно готовится сборник документов о нём. В него войдут воспоминания дочерей Жамили и Дамили, в которых есть следующие строки: «Самое тяжелое воспоминание [*отца – авт.*] о детстве – это голод, охвативший степь в 1930-е гг. Много написано о голодоморе в результате принудительной коллективизации, но одно дело читать об этом, совсем другое – услышать это от отца, вся семья которого погибла от голода. В живых остались только его старший брат Ували и он, отец. Зимой с группой одноаульчан они отправились на озеро Балхаш за рыбой, чтобы было, чем кормить семью. Наловив рыбы, подростки, гордые, вернулись в аул. На подходе к дому у отца сжалось сердце от тяжелого предчувствия: не вился из трубы дымок, вокруг дома не было ни одного следа: все было занесено снегом. Открыв дверь, братья обнаружили несколько трупов, вся семья – отец, мама, сестры и братья – погибли. Отец не любил говорить об этом. Эта боль не стихла до конца его жизни. Отец вспоминал только, что его младший брат был особо одаренным ребенком, и если бы он не умер от голода, то достиг бы многого. Скольких талантов не досчитался Казахстан, потеряв миллионы людей во время голода! Люди, человеческий потенциал – это самое дорогое, что есть в любой стране. Такие потери невозполнимы!» [2].

Все имена погибших авторами не названы: семейной памятью они уже утрачены.

В 2014 г. ЦГА НТД подготовил и издал книгу на основе документов личного фонда архитектора С.Г. Космериди. В ней помещены не только мемуары её героя, оказавшегося в Казахстане на волне депортаций 1940-х гг., но и воспоминания других представителей греческого этноса, собранные составителями специально для данного сборника. Одно из них записано со слов ветерана архивного дела, внучки «кулаков», оказавшихся в 1930–1932 гг. в степных просторах Казахстана по адресу: посёлок № 25 Осакаровского района Карагандинской области. Речь идёт о семьях грека Левтерова Пантелея Анастасовича и русского Михаила Фроловича Кугукова. Их дети Анастас и Вера – родители автора воспоминаний: «Здесь семья деда оказалась единственной греческой семьёй. Но, как они вспоминали, принадлежность к разным национальностям не ощущалась. Посёлок был маленьким, в одном его конце кто засмеётся, слышно в другом. Беды и трудности сплывали. Люди жили дружно, во всём поддерживая друг друга. [...] В степь привезли и ту, и другую семью в телячьих вагонах. Жильём долгое время были землянки, которые выселенцы сами себе построили. Мама часто рассказывала, как ходила в школу пешком за 10 км от посёлка. Её школьные годы пришлись на 1934–1941 гг. При школе был барак. Чтобы не ходить в такую даль, что было особенно опасно зимой из-за буранов и волков, детей, бедно одетых, голодных, на неделю поселяли в бараки. Родители давали небольшой мешочек с крупой, немного хлеба, картошки. Этим и питались. Барак обогревался за счёт печки, растапливали её дети» [3].

Ещё ранее в архив поступил фонд Бориса Петровича Шаха (род. в 1931 г.), директора опытного хозяйства КазНИИ овощеводства, ректора Западно-Казахстанского, Казахского сельскохозяйственных институтов, кандидата сельскохозяйственных наук, профессора. По просьбе архивистов он написал воспоминания, рассказав историю своей семьи. Его предки, бабушки и дедушки, переселились из Ставропольского края в Западно-Сибирский после отмены крепостного права в 1861 г., когда из-за малоземелья царское правительство начало вытеснять крестьянство из центральных районов России на малоосвоенные окраины империи. Родители, отец – Шах Петр Григорьевич (1905–1975), мать – Кочура Александра Акимовна (1909–1980), родились в селе Борисовка Щербакульского р-на Омской области, русские. Поженились в 1926 г. Жили в доме деда Григория. «В 1931 г. в период коллективизации советская власть посчитала, что родители Петра, мои бабушка и дедушка – зажиточные крестьяне. К таким относили тех, кто имел две лошади, две коровы, одну брочку, однокорпусный плуг. Их называли «кулаками». Дед по линии отца, как более крепкий мужчина, был отправлен на угольные шахты в г. Прокопьевск Кемеровской области, где и погиб в шахте, а следом ушла из жизни и бабушка [...]. Бабушка и дедушка со стороны матери также попали в категорию «кулаков» и их «раскулачили», т.е. отобрали имущество и отправили на болото на север Омской области. После реабилитации вернулись с болот в родное село Борисовка. Дед работал сторожем и истопником в школе, а бабушка – уборщицей [...].

После «раскулачивания» родителей папа с мамой вынуждены были с дочкой Зоей 1927 г. рождения обосноваться в леспромхозе (село Боровушкино Кемеровской обл.), где 10 октября 1931 г. родился я. Папа фактически бежал от ареста с помощью родственника, поэтому ему всё время приходилось об этом помнить».

Зоя Петровна Шах (по мужу – Протасенко), как старшая, об этом периоде рассказала более подробно: «А в 1931 г. началось раскулачивание: выселяли людей из домов, ссылая за пределы ближайшего окружения, лишая всего, что было нажито кровью и потом. Молодых мужчин – трудоспособных – арестовывали, поэтапно отправляя в тюрьмы и на крупные стройки. При сопротивлении расстреливали. Арестовали и нашего отца, выселили из дома маму (мне было около 4-х лет, а мама еще была в положении). Отцу удалось бежать из колонны арестованных при передвижении по какому-то безлюдному отрезку пути с заброшенным старым колодцем благодаря двоюродному брату, сопровождавшему заключенных. Брат шепнул ему: «Петро, ты беги, а я буду стрелять в воздух». Отец, просидев ночь в том заброшенном сухом колодце, выбравшись, бежал в тайгу, на лесопильный завод, где устроился рабочим. Через «нарочного» мама со мною, с узлом необходимых вещей добралась на подводе с лошадью к отцу, где поселились в шалаше, благо, что было лето, готовили пищу на костре. Я помню, что в этом шалаше, крытом еловыми ветками, был деревянный, из досок лесопилки «пол». Строившийся дом-изба для рабочих завода еще не был готов. Не очень далеко, в глубине тайги, располагалась небольшая деревушка

«Боровушка», куда изредка обращались наши «беженцы». Вот и 10 октября 1931 г. в тайге родился мой братец, Борис Петрович, роды принимала старушка-повитуха. Как говорят, благодаря Всевышнему, роды закончились благополучно. Куда идти с грудным ребенком? Вскоре «подкатила» осень: похолодало, начались дожди. Наконец заселились в отстроенную избушку, вселились в одну комнату, перегородив ее рядом (изделие самотканое, деревенское, вроде покрывала) для двух семей».

Обосновавшись в 1932 г. в Казахстане, куда семья фактически бежала от назойливого желания представителей власти проследить её историю, супруги оказались свидетелями голода местного населения. Из воспоминаний Бориса Петровича: «Начало 1930-х гг. – период голода и массовой гибели населения. Особенно пострадали казахи, т.к. власть лишила их скота – основы экономики казахского общества. Отобранный скот сдавался на мясокомбинат. У отца была единственная корова. К нему не раз приходили казахи и просили молока для детей. Мои родители делились надоем, даже иногда ничего не оставляли для нас, своих детей».

Главу семьи угнетала мысль о том, что он ушёл «от наказания», не подчинился власти. Это висело тяжёлым грузом. Борис Петрович рассказывает: «В 1937 г. началась самая мощная репрессивная волна. Отец вынужден был опять поменять место жительства. Родители обосновались в Чуйском районе Джамбулской обл., в котором внедрялось возделывание свеклы. За хорошую работу Петр Григорьевич был направлен Главсахаром Министерства пищевой промышленности СССР на учёбу в г. Москву, где получил диплом агронома. Перед войной он стал управляющим Джамбулского свеклосовхоза, в котором проработал до 1946 г. Мобилизации на фронт мой отец не подлежал, т.к., занимаясь сельским хозяйством, напоролся на сапожный нож и травмировал правый глаз. Пока доехал до районной больницы, его потерял [...]. За высокие урожаи сахарной свеклы, высокую продуктивность зерновых культур Шах Петр Григорьевич был удостоен звания Героя Социалистического Труда [4]. Если бы Иосиф Виссарионович знал, подписывая документы на это звание, что речь идёт о сыне «кулака», навряд ли отец его получил бы.

Пётр Григорьевич проработал до 1952 г. В возрасте 52 лет был направлен в Алтайский край в свеклосовхоз по организации семеноводства для Бийского сахарного комбината. В 1955 г., потеряв здоровье, вышел на пенсию» [5].

История этой семьи завершилась благополучно. Но примечательный факт, косвенно отражающий страхи Петра Григорьевича: в сборнике «Герои Социалистического Труда – казахстанцы» нет статьи с описанием его трудовых достижений, он проходит лишь в списках. Это ещё раз подтверждает, что человек боялся выходить из тени и привлекать к себе излишнее внимание.

В 2015 г. в архив были переданы документы Жаналыка Ниязовича Абдрахманова (1935–2004) директора НИИ онкологии и радиологии в 1990–2004 гг., действительного члена Академии наук РК. Жаналык Ниязович

родился в Кармакчинском р-не Кызылординской обл. Его отец – Абдрахман Ниязулы (1889–1943), колхозник, был обвинен в антисоветских высказываниях и, вероятно, сгинул в лагерях, т.к. семье о нём ничего не известно. Сын Талгат оказался в числе военнопленных, в конце 1940-х гг. был репрессирован, но затем реабилитирован с восстановлением всех наград. Долгое время работал председателем колхоза. Из-за ранней смерти Абдрахман Ниязулы не остался в памяти внуков. Более того, информацию об отце фондообразователя архивисты получили не от его детей, а от женщины, представительницы более старшего поколения, жившей в одном ауле с этой семьёй [6].

Необходимость прилагать усилия и настойчивость в сборе сведений о трагедиях людей эпохи сталинизма чаще всего себя оправдывает. Так, при подготовке сборника, освещающего некоторые страницы истории военной медицины [7], архивисты связались с Ириной Яновной Якубовой, дочерью выпускницы Алма-Атинского медицинского института 1938 г. Людмилы Евгеньевны Карелиной (1914–1993). От Ирины Яновны узнали, что выдающийся специалист в области костно-суставного туберкулёза Илья Осипович Фрумин (1876–1945), находившийся в эвакуации в г. Алма-Ате, под началом которого работала Людмила Евгеньевна, избежал лагерей только благодаря тому, что его помощь врача потребовалась сыну одного из руководителей НКВД.

Ещё более интересна история другого поиска. В документах этого же сборника встречается имя Антонины Григорьевны Толоконниковой (1913–1992) [7, с.95,493,494]. Сотрудники архива связались с Владимиром Алексеевичем Толоконниковым, заслуженным артистом Казахской ССР, широко известным по роли Шарикова в фильме «Собачье сердце». Оказалось, что упомянутая сотрудница Института туберкулёза – его тётя. Её дочь, Сусанна Александровна Щербакова (1946 г.р.), сообщила то, что мама, участница Великой Отечественной войны, рассказывала ей о том периоде своей жизни [8] и подарила опубликованные воспоминания своего двоюродного брата 1926 г.р., уроженца г.Алма-Ата, переехавшего в г. Москву в 1940-х гг. [9]. Из этих мемуаров архивисты узнали о трагической судьбе ещё одного представителя этого рода Бориса Михайловича Балашова, ветеринарного врача, участвовавшего в разработке вакцин для скота, которого расстреляли в 1938 г. Подкрепив эти сведения информацией из других источников, в т.ч. хранящихся в ЦГА НТД, архивисты подготовили о нём несколько публикаций [10].

Коллектив архива ежегодно инициирует заседание «Круглых столов» или конференций, проходящих под грифом «Специалист и его время». После издания сборника по истории медицины, он был презентован в разных аудиториях. В результате родилась брошюра, продолжившая тему. В ней был опубликован материал врача В.А. Полосухиной, в котором упоминалась дочь Ильясса Джансугурова Умут. Через некоторое время эти воспоминания, расширенные и дополненные, увидели свет в профессиональном журнале архивистов [11].

Через год родилась ещё одна брошюра, в которой были представлены статьи 10-ти авторов. Почти все они публиковались вторично. Но в них упоминаются, например, имена малоизвестных геологов из окружения Сатпаева: Магдан Нигметович Азербает (1909–1938), Уразалы Кикимович Джандосов (1904–1938), Мергали Кадылбекович Кадылбеков (1905–1938), Беркингалый Мукашевич Атчибаев (1897–1938), Дмитрий Николаевич Казанли (1904–1959) и др. [12].

Один из эксклюзивных текстов – рассказ о строителях и проектировщиках первой столицы Казахстана на исконно казахской земле в г. Кзыл-Орде. Среди обвиненных в деле «красной столицы» Казахстана был и М. Тынышпаев. В том, 1928 г., когда развернулась травля технической интеллигенции с дореволюционным образованием, многим приговорённым удалось избежать расстрела, но пуля всё же настигла их, хотя и через 10 лет. 70 лет оставался безвестен автор проекта Казахского оперного театра Николай Алексеевич Круглов (1883–1938). Одно из предъявленных обвинений: фасад театра был повернут не в сторону проспекта Сталина (ныне – Абылай хана), а в сторону ул. Калинина (ныне – Кабанбай батыра) [13].

Не менее интересные судьбы развернулись и перед участниками конференции, проведённой 21 апреля 2017 г. «Человек в истории: источники о научной и инженерно-технической интеллигенции Казахстана. 1920–1950-е гг.» [14]. Выбор проблемы продиктован не только и не столько 80-летием начала «большого террора». Хотя на конференции прозвучала и эта тема, а в связи ней – призыв к исследователям активнее обращаться к документам, в частности, бывшего Архивного фонда КПСС, являющихся в настоящее время составной частью всех государственных архивов. Личные дела, протоколы первичных партийных и комсомольских собраний, письма в комитеты партии и т.д. дают порой эксклюзивную первичную информацию, которая может стать началом захватывающего путешествия в недавнее прошлое.

История науки и техники, роль инженерно-технической и научной интеллигенции в созидательной деятельности народа Казахстана в последнее десятилетие выпала из сферы активного внимания исследовательских учреждений и исследователей. По данным, представленным Комитетом по контролю в сфере образования и науки по запросу архива за 2014 и 2015 гг., по истории науки и техники не было защищено ни одной диссертации.

Сугубо профессиональным стимулом для организации конференции по этой тематике является и забота о ходе пополнения Национального архивного фонда Республики Казахстан документами современного периода. Архивисты в своей ежедневной деятельности систематически сталкиваются с отсутствием осознания некоторыми руководителями учреждений и компаний взаимосвязи между сохранёнными документами и исследованиями в этой области, что тормозит поступление на государственное хранение необходимых источников. Эта работа особенно актуальна с точки зрения подготовки проекта «100 новых лиц современного Казахстана» [15].

Необходимо собрать документальную базу, подтверждающую реальный вклад наших современников в решение текущих проблем страны.

Список использованной литературы:

1. Сталинские депортации. 1928–1953 гг./Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост.Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. Из истории депортаций Казахстан 1930–1935 гг. Сборник документов. Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг. Сборник документов. /Ред. коллегия: В.Н. Шепель (отв.) и др.; сост. Е.М. Грибанова (отв.), А.С. Зулкашева (отв.) и др. Алматы: Lem, 2012.–772 с. Из истории депортаций Казахстан 1935–1939 гг. Сборник документов. /Ред. коллегия: В.Н. Шепель (отв.) и др.; сост. Е.М. Грибанова (отв.) и др. – Алматы: LEM, 2014.–740 с. Грибанова Е.М. Белые пятна «большого террора»//Аргументы и факты. 2012. 30 мая. Её же в соавторстве с А.С. Зулкашевой. Из истории депортации в Казахстан.// Простор. 2012. № 9. Сентябрь. С.165. Грибанова Е.М. Из истории паспортизации граждан Казахской ССР и г. Алма-Аты в 1930 гг./Роль архивов в современном обществе (материалы международной научно-практической конференции). Алматы: Акимат города Алматы, Управление по развитию языков, архивов и документации города Алматы, Центральный государственный архив города Алматы, 2013. С.87–97 и др.
2. ЦГА НТД. Ф.179. Оп.1. Д.58. Л.2.
3. Т. Григориади. Мой отец – Анастас Пантелеевич Левтеров./Сын Казахстана и Эллады: Спиридон Георгиевич Космериди. Сборник документов и материалов за 1942–2014 гг. Отв. ред. Г.С. Сарсенова. Сост.: О.С. Богданова, Е.М. Грибанова (отв.), Б.А. Жуматаева. Рецензенты: Б.А. Глаудинов, Б.О. Жангуттин. – Алматы: Print Expres, 2015. С. 287–288.
4. Звание присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 мая 1948 г. См.: Герои Социалистического Труда – казахстанцы. Т. 2. –Алма-Ата, 1969. С.409.
5. ЦГА НТД. Ф. 178. Оп 1. Д. 23.
6. Там же. Ф.177. Оп.1. Предисловие. Л.3. Д.37. Воспоминание Б.А. Байзаковой.
7. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Отв. ред. Г.С. Сарсенова. Сост.: О.С. Богданова, Е.М. Грибанова (отв.), Б.А. Жуматаева, В.Е. Печерских. Рецензент А.С. Саятова. Алматы: Print Expres, 2015.–534 с.+вкладыш на 8 л.
8. Эпидемический «пожар» удалось предотвратить.Сборник материалов Круглого стола. 18 июня 2015 г. Алматы. – Алматы: Центральный государственный архив научно-технической документации, 2015 г. С.89–90.
9. Балашов Б. Верность Отечеству (воспоминания верненца) – М.: ОО «Издательский дом «Твое время», 2006.– С.106–110, 131–133, 237–238.
10. Грибанова Е.М. Трагическая судьба верненца.//Казахстанская правда. 27 мая 2016 г. Её же. Борис Балашов – ветеринарный врач из города Верный./Научная и инженерно-техническая интеллигенция: портреты и силуэты. Казахстан. Первая половина XX века. Сборник статей. – Алматы: Print Expres, 2016. – С.83–88.
11. Грибанова Е.М., Чиликова Е.В. Сюжеты из жизни семей духовно-интеллектуальной когорты Казахстана (публикация воспоминаний В. Полосухиной, Р. Ахметовой, Ф. Хайрутдиновой об Умит Джансугуровой).//Қазақстан мұрағаттары. 2016. №2 (38).С.34–41.
12. Азербайев Н.А. Репрессированные геологи. Его же. Из статьи «Геологи – сверстники К.И. Сатпаева – жертвы тоталитарного режима./Научная и инженерно-техническая интеллигенция: портреты и силуэты. Казахстан. Первая половина XX века. Сборник статей. – Алматы: Print Expres, 2016.– С.47–61
13. Малиновская Е.Г. Репрессии в проектных организациях Казахстана 1920–1930-х гг./Там же. С.13–38.

14. Человек в истории: источники о научной и инженерно-технической интеллигенции Казахстана. 1920–1950-е гг. Материалы Международной научно-практической конференции. Г. Алматы. 21 апреля 2017 г. Алматы: Print Expres, 2017. – 288 с. + вкладыш.

15. Н.А. Назарбаев. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания.// Казахстанская правда. 12 апреля 2017.

РЕПРЕССИИ В 1920-1930-Х ГГ. СРЕДИ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Козыбаева М.М.

*доктор PhD, Костанайский государственный
педагогический институт, г. Костанай*

В отечественной науке особняком стоит проблема национального аспекта политических репрессий, особенно среди казахов Западной Сибири, территорией исторически связанной с Казахстаном. В Западной Сибири в данный период проживало около 100 различных национальностей, из них значительную группу представляли казахи. По приблизительным данным на территории Западной Сибири было репрессировано около 1 тысячи казахов. В относительном исчислении это самые высокие показатели по сравнению с другими представителями национальных меньшинств. Поэтому изучение репрессий среди казахского населения на основе ранее малоизученных архивных источников помогает выявить общие масштабы репрессивных мер против представителей отдельных национальностей.

Исследование проводилось в Западной Сибири: в приграничных районах Тюменской, Омской и Новосибирской областях, Алтайского края Российской Федерации. В целом, хотелось бы отметить, что обозначенная территория являлась исконно местом казахских кочевий и здесь издавна проживали казахи, основным занятием которых было скотоводство. Однако, намечались и процессы новых миграций в процессе экспериментов советской власти в сельском хозяйстве, по сути осуществляемых в репрессивном режиме, повлекших за собой огромные жертвы среди населения. В данной статье мы остановимся на изучении материалов, посвященных репрессивным мерам в 1920-1930-х гг. по отношению казахского населения Тюменской и Новосибирской областей.

Необходимо отметить, что согласно докладам татаро-киргизской секции АПО Сибкрайкома ВКП (б) губкомов и окружкомов Сибкрая в 1925 г. казахское хозяйство в связи с сокращением скотоводства, и недостаточным развитием земледелия подверглось упадку и повлекло за собой бедность населения [1]. Этому способствовали и репрессивные меры против казахского крестьянства, выражавшиеся в лишении гражданских прав, а также высылке баев и кулаков. Например, согласно материалам